

© 1997 г. Т.В. БУЛЫГИНА, А.Д. ШМЕЛЕВ

**РЕФЕРЕНЦИЯ И СМЫСЛ ВЫРАЖЕНИЙ МЯСОПУСТ
(МЯСОПУСТНАЯ НЕДЕЛЯ) И СЫРОПУСТ (СЫРОПУСТНАЯ НЕДЕЛЯ)***

Названные в заглавии выражения, казалось бы, не представляют особого интереса в избранном аспекте рассмотрения. От них, как от элементов языка церковного устава, естественно было бы ждать четкой и недвусмысленной референции. С другой стороны, они, как и многие другие подобные наименования, представляют собой типичный пример тех слов “русского языка”, которые “суть не просто звуки, условно означающие вещь, но заключающие в себе знаменование оной” [Шишков 1825: 32–33; цит. по Фаустов 1996: 6–7]. Адекватное толкование таких слов не может быть ориентировано исключительно на денотат или только на смысл: оно должно отражать связь интенционала (внутренней формы) и экстенционала. К примеру, толкуя выражения *Прощеное воскресенье*, недостаточно дать чисто “интенциональное” толкование, т.е. сообщить, что это воскресенье, в которое принято просить друг у друга прощенья, не указывая его места в церковном календаре; с другой стороны, не является адекватным и “экстенциональное” толкование, в соответствии с которым *Прощеное воскресенье* – это воскресенье в конце масленой недели, поскольку при таком толковании не раскрывается “способ представления” (Г. Фреге) календарной даты.

Трудность “правильной” интерпретации наших терминов, относящихся к календарным ритуальным правилам и обычаям, усугубляется еще и тем, что в соответствующей сфере употребления может происходить смешение разных культурных традиций – православия и западного христианства, а также христианства и язычества. Как отмечает Никита Ильич Толстой: “В годичном календарном цикле сосуществуют две системы духовного воззрения и мироощущения – христианская и языческая – одна, обращенная к небу, божественному началу, другая – к земле, к началу плотскому, к плодам земным, к их изобилию, зависящему, по древним представлениям, не только от человека и Бога, но и от сил сверхъестественных. Эти два мировосприятия и миропонимания сравнительно легко уживались в славянском народном календаре еще и потому, что христианство с его годовыми праздниками побуждало верующих ежегодно переживать в молитве жизнь и страсти Иисуса Христа, а язычество воплощало во многих своих обрядах цикличность природных явлений: возрождение, расцвет, увядание и временная смерть или “засыпание” природы” [Толстой 1995: 23–24].

Если мы обратимся к словам *мясопуст* и *сыропуст*, то увидим, что для них неясным оказывается не только “способ представления”, но и денотативная отнесенность. Так, В.И. Даль толкует *мясопуст* следующим образом: “день, в который по правосл. церк. уставу, мясная пища запрещена...; воскресенье за 56 дней до Пасхи, мясное заговенье, канун масляны” [Даль, II: 374]. Следует иметь в виду, что

* Мы хотели бы выразить сердечную признательность всем, кто своими консультациями и предоставлением материалов оказывал нам неоценимую помощь на разных этапах работы: свящ. М. Ардову, Е.А. Суриц-Богатыревой, А.Н. Толстой, С.М. Толстой, В.Н. Топорову и В.А. Успенскому, а также сотрудникам Отдела древнерусского словаря Института русского языка РАН, руководимого Г.А. Богатовой.

воскресенье за 56 дней до Пасхи – это как раз последний день перед Великим постом, в который, по уставу, разрешается мясная пища¹. Обратившись к другим словарям, мы увидим, что ситуация несколько не проясняется, а, скорее, становится еще более запутанной. Характерны толкования слова *мясопуст*, приводимые в СлРЯ XI–XVII вв.: “1. *Допущение в пищу молочных и мясных продуктов по церковному уставу... 3. Великий пост перед пасхою, продолжающийся сорок дней (четыредесятница), а также пост вообще*” [СлРЯ XI–XVII вв., 9: 346]. Поскольку *пост* предполагает как раз запрет на вкушение молочного и мясного, мы остаемся в недоумении, что же такое *мясопуст*: разрешение вкушать мясо или, напротив, запрет на вкушение мяса? Для полноты картины отметим, что в СлРЯ XI–XVII вв. дается еще одно значение этого загадочного слова, которое соответствует одному из толкований, даваемых В.И. Далем: “2. *Воскресенье перед масленицей, мясное заговение, с которого по уставу православной церкви не разрешалось употреблять мясную пищу*” [СлРЯ XI–XVII вв., 9: 346]. Таким образом, мы видим, что слово *мясопуст* может обозначать: 1) период перед масленицей (*мясоед*), когда мясная пища разрешена; 2) воскресенье, непосредственно предшествующее масленице (за 56 дней до Пасхи), последний день, когда разрешается вкушение мяса; 3) период, когда мясная пища по уставу запрещена, а именно – масленицу и Великий пост. Тем самым среди его значений есть прямо противоречащие друг другу.

Заметим, что в толкованиях словарей [Ушаков, II] и [Евгеньева 1982]² устраняется эта парадоксальная энантиосемичность (поскольку на масленице уставом дозволяется вкушение молока и яиц, но не мяса, можно считать, что второе значение просто является детализацией первого; к тому же в данном случае совместимости от дескриптивного и денотативного определения не требуется, так как они разносятся по разным значениям). Однако при этом упускается в каком-то смысле самое основное, т.е. в наибольшей степени соответствующее церковному узусу и, по всей видимости, первичное значение слов *мясопуст*, *мясопустный*.

Указанные выше три возможных способа денотативной отнесенности термина *мясопуст* соответствуют трем возможным интерпретациям элемента *-пуст*, который понимается в словарях (как можно иногда судить по эксплицитным определениям, а чаще по анализу их употребления в “референтных” определениях) по крайней мере в трех более или менее различных смыслах: 1) смысл, связанный с идеей разрешенности тех или иных трапез в определенное время (ср. *пусть*, *допустить*); 2) “промежуточный” смысл, связанный с идеей прощания, т.е. предстоящего разлучения, освобождения, прекращения употребления соответствующей пищи (ср. *отпустить*); 3) смысл, связанный с идеей запрещенности употреблять соответствующую пищу (ассоциация с “пустотой”). Интересно, что эти возможные понимания зафиксированы в СлРЯ XI–XVII вв. – в статьях с заглавными словами *пустити*, *пуститься* и *пущатися* именно в интересующем нас контексте: “**ПУСТИТИ**¹... 17. Позволить, допустить... || Разрешить к употреблению”; “**ПУСТИТСЯ**... 7. Чего. Окончить употребление чего-л., заговориться”; “**ПУЩАТСЯ**... 4. Чего. Отказываться от чего-л., прекращать употребление чего-л.” [СлРЯ XI–XVII вв., 21: 76].

Таким образом, можно было бы сказать, что понятийная и денотативная неоднозначность и даже энантиосемичность термина *мясопуст* является “вторичной” и отражает неоднозначность и энантиосемичность элемента *-пуст*. При этом семанти-

¹ Несовместимость дескриптивной и референциальной частей толкования одного и того же значения наглядно выступает в формулировке М. Фасмера, толкующего *мясопуст* как “день, в который мясная пища запрещена (воскресенье накануне масленицы)” [Фасмер, III: 31].

² Ср., например, толкование словаря [Ушаков, II]: “**Мясопуст**... 1. День, в к-рый запрещено употребление мясной пищи. 2. Неделя перед т. наз. великим постом. масленица. **Мясопустный**... *Прил. Мясопустная неделя* (то же, что мясопуст во 2 знач.).” По существу такое же толкование предлагается в словаре [Евгеньева 1982].

ческая структура элемента -пуст, объединяющая почти противоположные значения, не представляет собою ничего из ряда вон выходящего. В качестве курьеза приведем сходную неоднозначность семантически близкого глагола *разрешить*, приводящую к тому, что высказывание *Путнику посты разрешены* (приводимое, в частности, В.И. Далем [Даль, III: 345]), если отвлечься от знания внеязыковых реалий, могло бы, вообще говоря, пониматься двояким образом, причем одно из возможных осмыслений оказывается прямо противоположным другому³.

Кажется, что никакой загадки не осталось и мы даже могли бы, исходя из неоднозначности элемента -пуст(ный), предсказать наличие аналогичной неоднозначности у слова *сыропуст* и сочетаний *мясопустная неделя* и *сыропустная неделя*. Например, мы могли бы ожидать, что слово *сыропуст* служит обозначением: 1) периода, когда молочная пища разрешена; 2) последнего дня перед постом, когда разрешается вкушение молочных продуктов; 3) периода, когда молочная пища по уставу запрещена. Однако полной симметрии между словами *мясопуст* и *сыропуст* наблюдать не может, поскольку запрет и, соответственно, разрешение мясной и молочной пищи имеют в церковном уставе различный статус. Именно, запрет на молочное имплицитно также запрет на мясное; а обратное неверно: в течение масленицы разрешена лишь молочная пища (и яйца), но не мясная. Поэтому параллельность в толкованиях первого из выделяемых значений каждого из интересующих нас слов, данных в ССРЛЯ ("Мясопуст 1. Время, день, в которые уставом православной церкви запрещается употребление мясной пищи... 2. Неделя перед великим постом, масленица" [ССРЛЯ, 6: стлб. 1451]. "Сыропуст 1. Время, день, в которые уставом православной церкви запрещается употребление молочной пищи. 2. Последний день масленицы, воскресенье перед великим постом" [ССРЛЯ, 14: стлб. 1369]), сколь бы она ни выглядела эстетично, может лишь ввести в заблуждение, поскольку в церковном календаре никакого специально выделенного времени, в которое бы запрещалось "вкушение молочной пищи" при разрешенности вкушения мясной пищи, не существует. Кроме того, если для слова *мясопуст* второе из выделенных в этом слове значений может рассматриваться как детализация первого (на масленице мясная пища запрещена), то для слова *сыропуст* второе значение противоречит первому (последний день масленицы – это не день запрета на молочную пищу, а, напротив того, последний день, когда она разрешена). Возможно, именно в связи с этим различные (доступные нам) словари в совокупности дают для слова *сыропуст* картину, несколько отличающуюся от картины для слова *мясопуст*. Слово *сыропуст* обычно получает следующие определения: "1. Время, день, в которые запрещается употреблять молочную пищу (в частном случае – первая неделя Великого поста); 2. Последний день масленицы, воскресенье перед великим постом". Среди этих значений нет еще одного теоретически возможного: 'период, когда разрешено

³ Особенно эффектен в этом смысле следующий отрывок из замечаний "О постах и праздниках" в "Православном церковном календаре" за 1995 год: "С 6 (19) июня по 28 июня (11 июля) – время Петрова поста. Он менее строг, чем Великий. Во все дни этого поста, кроме среды и пятницы, разрешается растительное масло и рыба. В самый же праздник апостолов Петра и Павла – разрешение поста. Но если он приходится на среду или пятницу, то пост сохраняется, разрешается только рыба и растительное масло" (с. 5). Смысл слов *разрешается* и *разрешение* оказывается противоположным.

Отметим, что смыслы 'отменить', 'упразднить', 'освободить' и т.п. у глагола *разрешить* сохранились и в современном языке (ср. такие выражения, как *разрешиться от бремени*, *разрешение неоднозначности*), но во многих контекстах воспринимаются как необычные, с точки зрения современного словоупотребления. Характерно пояснение редакции к сочетанию *обрящет разрешение скорбей* в словах св. Василия Великого, цитируемых в "Православном Катехизисе": *Скорбящий к четыредесяти прибегает, веселящийся притекает к тем же: один – да обрящет разрешение (получит освобождение от – Ред.) скорбей, другой – да соблюдет у него блага.*

вкушение молочной пищи (без дальнейшей детализации)⁴. При этом, если судить по данным словарей, наиболее распространенным является значение, соотносящее наименование *сыропуст* с *Прощеным воскресеньем*, или *сыропустной неделей*, т.е. воскресеньем перед Великим постом, последним днем, когда разрешается вкушение молочного. Это побуждает нас обратиться к анализу сочетания *сыропустная неделя*, а заодно рассмотреть и построенное по той же модели составное наименование *мясопустная неделя*.

Именно эти сочетания используются “терминологически”, в том числе в церковных календарях, в которых слова *мясопустный* и *сыропустный* употребляются в трех сочетаниях: *Неделя сыропустная* – по отношению к последнему воскресенью масленицы (“прощеное воскресенье”), т.е. ко дню, который непосредственно предшествует понедельнику, начинающему Великий пост; *Неделя мясопустная* – по отношению к последнему воскресенью перед масленицей (иначе называемому *Неделя о Страшном Суде*); *мясопустная суббота* (называемая также “Вселенской родительской субботой”) – по отношению к субботе перед этим воскресеньем (последней субботе, предшествующей масленице, т.е. субботе, отделенной от первого дня масленицы упомянутым воскресеньем – “мясопустным”). Может показаться, что наличие строгого “терминологического” смысла у выражений *сыропустная неделя* и *мясопустная неделя* не оставляет никакого места возможным “разночтениям”. Однако оказывается, что рассматриваемые выражения далеко не столь просты (как для денотативно-ориентированного, так и для сигнификативно-ориентированного анализа). Дело в том, что неоднозначными, а иногда и звантисемичными оказываются чуть ли не все без исключения элементы соответствующих слов и словосочетаний. Соответственно размытой оказывается и область их денотации. (Это, впрочем, можно сформулировать и в инвертированном виде: примеры различного денотативного отнесения терминов заставляют полагать, что носители языка осмысливают их семантическую структуру различным образом.)

В некоторых случаях неоднозначность вполне очевидна и едва ли может повести к недоразумению. В частности, это касается компонента *сыро-*, встречающегося в наших композитах (*сыропуст*, *сыропустная*) и в сложных словах “светского” языка (ср., например, “диетологическое” значение слова *сыроядение* ‘употребление в пищу только сырых овощей, плодов’, включаемого в словари современного русского языка, и совсем иной смысл – как референциальный, так и телеологический – словосочетания “ядение сыра” в текстах, отсылающих к православному церковному уставу)⁵.

Иначе обстоит дело с первым элементом композита *мясопуст*, который, хотя и не является амбивалентным сам по себе, в то же время представляет собой лишь один из возможных “переводов” первого компонента своего романского аналога, допускающего (скорее всего, в духе народной этимологии) двоякое осмысление (к этому любопытному осмыслению мы вернемся ниже). Но едва ли не основной источник

⁴ Интересно, что это “недостающее” значение СлРЯ XI–XVII вв. дает (в качестве единственного) для слова *маслопуст* (‘Допущение молочных продуктов в пищу по церковному уставу’ [СлРЯ XI–XVII вв., 9: 35]), которое по своей внутренней форме, казалось бы, должно полностью совпадать со словом *сыропуст* (*масло* и *сыр* – разновидности молочных продуктов).

⁵ Впрочем, и здесь могут возникнуть забавные недоразумения. В Словаре В.И. Даля читаем: “*Сыроед...* кто ест сырую рыбу или мясо... по вкусу и как средство от цинги... *Сыроядец, -ица* стар. сыроед” [Даль, IV: 376]. Из этих толкований как будто следует “диетологическое” понимание указанных слов, однако приводимый В.И. Далем здесь же в качестве иллюстрации летописный пример (*Безбожнымъ сыроядцемъ*) современные информанты часто понимали в “церковном” (“кто не соблюдает постов, ест в пост молочное”), а не в “диетологическом” смысле (скорее всего, исходный смысл здесь – “дикарь, который ест сырое мясо”). Как бы то ни было, элемент *сыр-* не представляет собой проблемы в контексте нашей заметки и в дальнейшем специально не рассматривается.

возможных недоразумений, наряду с элементом *-пуст(ный)*, – это слово *неделя*, в церковно-славянском языке обозначающее, как известно, воскресенье, а в современном русском – “семидневку”, неделю, называемую по-церковному *седмица*. Поэтому в церковно-бытовом языке каждое из выражений *сыропустная неделя* и *мясопустная неделя* часто осмысливается как имеющее референцию к семидневному периоду. При этом *мясопустная неделя* может пониматься как неделя, предшествующая собственно *мясопустной неделе*, т.е. как последняя неделя, в которую еще можно есть мясо, или же как неделя, непосредственно следующая за *мясопустной неделей*, масленица, т.е. как первая неделя, в которую уже нельзя есть мясо. Аналогичным образом, *сыропустная неделя* может пониматься как неделя, предшествующая Прощеному воскресенью (собственно *сыропустной неделе*), т.е. как последняя неделя, в которую еще можно есть молочное, или же как неделя, непосредственно следующая за Прощеным воскресеньем, т.е. как первая неделя Великого поста, в которую уже нельзя есть молочное.

Все эти осмысления реально представлены в существующих словарях. Мы могли бы считать, что они являются результатом лексикографической ошибки – ошибочного восприятия составителями словаря семантической структуры соответствующих наименований. Но такое “ошибочное” восприятие характерно для многих носителей языка. “Ошибка” лексикографа оказывается отражающей его интуицию как носителя языка, и в этом смысле перестает быть “ошибкой”. Ведь задача составителя толкового словаря, по-видимому, в том и состоит, чтобы отразить в словарной статье интуиции рядовых носителей языка, а не сведения, которыми располагают особо компетентные специалисты.

В это же время представленный материал позволяет поставить еще один вопрос: не следует ли различать интуиции носителей языка при употреблении и при понимании описываемых выражений. Это различие, едва ли релевантное в тех случаях, когда речь идет об общеупотребительных выражениях, может оказаться существенным, как только мы перейдем к необщеупотребительным или даже необщеизвестным выражениям. И если в понимании выражений *мясопуст*, *мясопустная неделя*, *сыропуст*, *сыропустная неделя* обнаруживается описанный выше разнобой, то в реальной речевой практике эти выражения чаще всего употребляются либо терминологически (т.е. по отношению к воскресенью “о Страшном суде” и Прощеному воскресенью соответственно), либо с референцией к масленице (сырной седмице). При таком употреблении исчезает параллелизм в употреблении выражений *мясопуст* и *сыропуст*: один и тот же период носит название *мясопуст* на том основании, что это время, когда вкушение мяса за прещено, и название *сыропуст* – на том основании, что это время, когда до п у с к а е т с я вкушение молочной (сырной) пищи. Этот период начинается после *мясопустной недели* (= воскресенья) и завершается *сыропустной неделей* (= воскресеньем), а сам носит оба названия: *мясопустная* или *сыропустная неделя* (= семидневка, по-церковному – *седмица*). Такая возможность двоякого метонимического обозначения периода времени в церковном календаре не является чем-то из ряда вон выходящим. Скажем, сорокадневный пост, начинающийся сразу после дня св. ап. Филиппа и продолжающийся вплоть до самого Рождества, называется либо *Филиппов пост*, либо *рождественский пост* (оба наименования равно употребительны в церковном обиходе). Кажущаяся “парадоксальность”, связанная с обозначениями *мясопуст* и *сыропуст*, обусловлена, с одной стороны, неясностью этимологии (как уже говорилось, в наивном сознании элемент *-пуст* может связываться с *пустой*, *отпустить* или *допустить*), а с другой – формальным параллелизмом наименований, вопреки отсутствию фактического параллелизма интерпретации.

Таковы синхронные объяснения “мясопустно-сыропустного парадокса”. Но он имеет и историко-лингвистические причины. В соответствии с одной из наиболее

вероятных этимологий слово *мясопуст* представляет собою кальку из ср.-лат. *carnevale* (см. [Фасмер, III: 31]). Точнее, слово *carnevale* было, по-видимому, скалькировано западнославянскими языками (ср. польск. *mięsopust* и чеш. *masopust*), а затем заимствовано русским языком. Как известно, у западных христиан слова, восходящие к латинскому *carnevale*, обозначают период, аналогичный русской *масленице*, отчего и в словарях чаще всего переводятся как “карнавал, масленица”. При этом у западных христиан (в частности, у католиков) употребление мяса во время этого периода допускается, вследствие чего, скажем, польск. *mięsopust* концептуализуется в польском языке как “дозволение мяса” и в качестве одного из своих значений (правда, устаревшего) имеет значение ‘мясоед’ (т.е. весь период, когда вкушение мяса разрешено, включая масленицу). Можно предположить, что, заимствуя данное слово со значением ‘масленица’, русские православные столкнулись с несоответствием внутренней формы и денотативной отнесенности: внутренняя форма указывала на дозволенность мяса, тогда как денотативная отнесенность предполагала период, в течение которого употребление мяса не дозволялось. Неизбежно было переосмысление этого слова, причем переосмыслению могла подвергнуться внутренняя форма (и с нею сигнификативный компонент значения) или денотативная отнесенность. В первом случае слово, сохраняя представление о дозволенности мясной пищи, начинает обозначать не масленицу, когда мясная пища у православных запрещена уставом, а период, предшествующий масленице (мясоед); во втором – сохраняется денотативная отнесенность (масленица), но переосмысливается внутренняя форма (*-пуст* начинает связываться с *пустой*). Кроме того, *мясопуст* чрезвычайно естественно связывается с обозначением границы между указанными двумя периодами – т.е. с обозначением дня, когда происходит прощание с мясом, и в этом случае *-пуст* концептуализуется как прощание (как в *отпустить*). В дальнейшем, по аналогии со словом *мясопуст* (в этой последней интерпретации) образуется слово *сыропуст*, обозначающее день, когда происходит прощание с молочными продуктами. И наконец слово *сыропуст* начинает употребляться расширительно – по отношению ко всей (сырной) неделе, в течение которой происходит прощание с молочными продуктами и которая по-другому называется *мясопуст*.

Однако дело осложняется тем, что и “исходное” *carnevale* также воспринималось неоднозначно. Этимологи колеблются, действительно ли здесь вычленяется морфема *car-n-* или это лишь народная этимология, а в действительности *carnevale* восходит к выражению *carrus navalis* (название культовой повозки – корабля на колесах). Но дело не в этом. В любом случае этимология, связывающая *carnevale* с мясом, обладает несомненной лингвистической значимостью, раз *carnevale* могло быть скалькировано как *мясопуст*. Но как же следует интерпретировать это наименование? В словарях и справочниках мы находим различные и подчас прямо противоположные толкования: в одних *carnevale* толкуется как “прощай, мясо!” (вариант – “прощай, плоть!”), а в других – как “да здравствует мясо!” (вариант – “да здравствует плоть!”). Возможность двоякого прочтения элемента *carne-* (“мясо” и “плоть”) также весьма показательна. При этом оба возможных прочтения элемента *carne-* связаны друг с другом: “поедание мяса” и рассматривается как один из способов “ублажения плоти” во время карнавала, так что толкование через “плоть” является лишь чуть более широким (сигнификативно) при денотативном тождестве двух интерпретаций. Калькирование слова *carnevale* в виде *мясопуст*, как кажется, несколько сужает возможную интерпретацию.

В то же время еще более заслуживающим внимания представляется тот факт, что второй элемент слова *carnevale* содержал ту же двойственность, которую мы отмечали у второго элемента термина *мясопуст*. Здесь, правда, понятийная двойственность не влечет денотативной неоднозначности. При любом понимании *carnevale* понимается как праздник плоти, когда в последний раз перед Великим

постом “ублажают плоть” и, в частности, едят мясо. Этот праздник в зависимости от места и эпохи мог продолжаться день–два, непосредственно предшествующие посту (т.е. понедельник и вторник: в западной церкви, как известно Великий пост начинается в среду, носящую название “пепельная среда”; поэтому в русском народе понедельник и вторник первой недели Великого поста получили ироническое наименование *немецкая масленица*), а мог длиться непосредственно от Богоявления (“дня трех королей”, т.е. волхвов) и до начала Великого поста, т.е. весь период мясоеда (почему *mesopust* и могло получить значение “мясоед”). Двойственность праздника коррелирует с двойственностью интерпретации наименования. И не случайно одна из наиболее достоверных этимологий связывает наименование *carnevale* с выражением *carne levare* “поднимать или устранять мясо или плоть” и последующей метатезой. Действительно, характерное для еще дохристианского времени усиленное ублажение плоти во время карнавала (а карнавалы у западных народов, как и масленица у славян, восходят еще к языческим временам) было осмыслено в христианстве как прощальное, предшествующее великопостному воздержанию. В этом проявляется двойственность самой идеи *заговенья*, когда перед постом люди в последний раз едят ту или иную пищу, как бы прощаясь с ней. Поэтому *заговенье* неразрывно связано с последующим постом (и глаголом *заговеть* ‘начать говеть, т.е. поститься’), но в то же время и с отсутствием поста, с заключительной скоромной трапезой перед постом. Отсюда двойственная модель управления у самого слова *заговенье*: ср., с одной стороны, *заговенье на мясо* (означает, что мы в последний раз едим мясо), а с другой – *заговенье на Великий пост* (ср. у В.И. Даля: *Заговляюсь на хрен, на редьку да на белую капусту* [Даль, I: 569])⁶. В каком-то смысле ничего парадоксального в такой двойственности нет. Но на уровне языковых обозначений эта двойственность приводит к неоднозначности и парадоксам⁷. Исследователи, заметившие эту двойственность и парадоксальность, для того чтобы ее объяснить, подчас вынуждены прибегать к достаточно сложным построениям, например, (в духе М.М. Бахтина) считать возможность употребления слова со значением “запрета на мясо” по отношению к периоду, когда мясо разрешено, своего рода карнавальным перевертышем (ср. [Серов 1977: 50]). На самом деле такая двойственность лежит “в природе вещей”. Переход от веселья к посту по самой сути своей сопряжен с некоторой “двойственностью”⁸. И, поняв ее, мы уже не будем удивляться, прочтя в итальянско-русском словаре, что *carnevale* означает ‘карнавал; масленица’, а также вообще ‘веселье, праздник’, тогда как *carnevalino* – это уже первое воскресенье поста [Скворцова, Майзель 1977].

Итак, рассмотренные слова представляют собою интересный пример того, как осмысление слова (и составляющих его морфем) зависит от установок языковой общности. Само наименование (*carnevale*) остается неизменным или “поморфемно” переводится (*мясопуст*). Денотация тоже в целом относительно постоянна (период разгула перед Великим постом), хотя здесь уже наблюдаются колебания. А вот

⁶ Выражение *Заговляюсь на сыр да на масло* оказывается, таким образом, потенциально неоднозначным: то ли “в последний раз ем молочное (в сыропустную неделю)”, то ли “теперь из скоромного буду есть только молочное (а пока в последний раз ем мясное)”. Именно во втором из этих двух пониманий интерпретирует указанный пример В.И. Даль, поясняющий: “говор. в канун масляны” [Даль, I: 569].

⁷ Ср. замечания Ф. Ферлуги-Петронио: “Странно, однако, и это не только у славян, что в наименованиях карнавала преобладают выражения, которые связаны не с плотскими радостями сегодняшнего дня, а с грядущим умерщвлением плоти, с лишениями дня завтрашнего” [Ferluga-Petronio 1984 : 81].

⁸ Разрешением поестъ скоромной пищи напоследок никогда не пренебрегали: если Церковь видит в *заговенье* прежде всего “приготовительный” смысл, т.е. постепенный отказ от плотских удовольствий, то народ понимал *заговление* (*загавливание*) скорее как возможность в полной мере воспользоваться разрешенным чревоугодием, чтобы как-то компенсировать грядущие тяготы поста. Недаром в Словаре В.И. Даля *заговляльщик; -ица* толкуется: “кто загавливается, пируя нередко напоследях” [Даль, I: 569].

интерпретация входящих в это слово морфем зависит от того, что именно интерпретатор считает наиболее значимой особенностью данного периода времени (увеселения плоти, поедание мяса, прощение с мясом, прощение с плотскими удовольствиями, запрет на мясную пищу и т.д.).

Такого рода колебания осмысления при относительно неизменной денотации не являются чем-то исключительным в церковном и, в особенности, церковно-бытовом языке⁹. Обращаясь к ним, мы можем вспомнить когда-то приведенную нами [Булыгина, Шмелев 1990] по другому поводу цитату из книги А. Вежбицкой: «Если информант, ориентирующийся на научную лексику, объявит, что "для него" тигры являются разновидностью "кошек" (cats), моя реакция будет состоять в том, чтобы дезавуировать его как информанта (поскольку он не способен отличить разговорного английского языка от научной терминологии), а не в том, чтобы торжественно записать, что в его "идиолекте" тигры – это разновидность кошек (cats)» [Wierzbicka 1985: 42]. Здесь ситуация несколько иная. Если лексиколог захочет дезавуировать того или иного информанта (в частности, другого специалиста) на том основании, что последний неправильно (не в соответствии с этимологией, с официальной церковной терминологией и т.п.) понимает какое-либо выражение церковно-бытового языка, такой лексиколог просто окажется не в состоянии отличить научные познания от наивно-языковой интуиции, и мы должны будем признать правоту информанта, следующего своей интуиции как носителя языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1990 – "Аномальные" высказывания: проблемы интерпретации // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990.
- Даль В.И. – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1980.
- Евгеньева А.П. (ред.) 1982 – Словарь русского языка. Т. 2. М., 1982.
- Крысин Л.П. 1996 – Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура*. М., 1996.
- Серов С.Я. 1977 – Народы Пиренейского полуострова // *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (конец XIX – начало XX века). Весенние праздники*. М., 1977.
- Скворцова Н.А., Майзель Б.Н. 1977 – Итальянско-русский словарь. М., 1977.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. М.: Л. 1957; Т. 14. М.: Л. 1963.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982.
- Толстой Н.И. 1995 – Славянские верования // *Славянская мифология*. М., 1995.
- Ушаков Д.Н. (ред.) – Толковый словарь русского языка. Т. II. М., 1938.
- Фасмер М. – Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987.
- Фаустов А. 1996 – Переживание времени и кризис языка в литературе пушкинской поры // *Филол. записки. Вестник литературоведения и языкознания*. Вып. 6. 1996.
- Шуицков А.С. 1825 – Собр. соч. и переводов. СПб., 1825.
- Ferluga-Petronio F. 1984 – I nomi per la *Septuagesima*, *Sexagesima*, *Quinquagesima*, *Quadragesima* nelle lingue slave // *Ricerche religiose del Friuli e dell'Istria*. 1984. III.
- Wierzbicka A. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor, 1985.

⁹ К сожалению, русский церковно-бытовой язык остается почти неизученным. Соглашаясь с Л.П. Крысиным, обратившим внимание на "лакуну" в системе стилистических классификаций разновидностей русского языка, в которых отсутствует стилистическая разновидность, обслуживающая сферу религии (Л.П. Крысин предложил в этой связи говорить об особом "религиозно-проповедническом стиле" современного русского языка [Крысин 1996]), можно заметить, что не меньшую лакуну в системе изучаемых разновидностей русского языка составляет церковно-бытовой язык, который не изучен даже просто в лексическом плане, так что слова, вполне обычные в церковном обиходе, не включаются в существующие словари современного русского языка (будучи нетерминологическими, разговорными обозначениями, они, естественно, отсутствуют и в специализированных словарях).